

Владимир Хрулёв

*Правительница
Ольга
из варяжского
племени русского*

Владимир Хрулёв

**Правительница Ольга
из варяжского племени русского**

«Издательские решения»

Хрулёв В.

Правительница Ольга из варяжского племени русского /
В. Хрулёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748046-2

Владимир и Ольга, один — кровный рюрикович, другая — жена рюриковича, и оба правители Руси. Как тут без интереса к истории России? Ведь и в её истории всякое бывало — как тут не поперхнёшься теми обстоятельствами. Давайте лучше наблюдать старину с благоговением, хотя и это не всегда удастся. Но это же Россия! Для меня, во всяком случае.

ISBN 978-5-44-748046-2

© Хрулёв В.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	12
4	13
5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Правительница Ольга из варяжского племени русского

Владимир Хрулёв

Под шёпот старины болливой

Рукою верной я писал:

Примите ж вы мой труд игривый!

Ничьих не требуя похвал.

Счастлив уж я надеждой сладкой,

Что дева с трепетом любви

Посмотрит, может быть, украдкой

На песни грешные мои.

А. С. Пушкин. Руслан и Людмила

© Владимир Хрулёв, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Все народы, в том числе народы языческой культуры, оберегают свою веру как могут, видя в ней наследие своих отцов и самые грубые её проявления и сама жестокость не кажется им таковой, напротив, она так же освящена памятью. И славяне в своей дикости отвергали христианство в течение многих столетий. Задолго до Ольги и Владимира в христианство славян хотели обратить немецкие проповедники, но устрашённые их дикостью, отказались от этой мысли. И с другой стороны, славяне ненавидели христиан и христианство и прекращали торговые связи с ними, а священников христиан приносили в жертву своим идолам. В те давние времена они любили своих идолов, Перун – был первым среди них, деревянным и высоченным, раскрашенным красной глиной и одетый в сусальные листы золота, награбленными в походах на Византию. Любили своего идола до самозабвения, до самоотречения.

Но это, конечно, до поры.

Хвойный лес России, если ослабевает в своём росте по какой – либо причине, то в нём, естественно, появляются прогалины, поляны, зарастающие обильно травой, цветами и ягодами. Такие лесные проплешины собирают в себя разного рода нечисть, требующую к себе особого отношения. Тогда люди и колют овец, тёлочек, жеребят, пьянствуют и пьяными поют и пляшут. Другого применения этим лесным полянам дикие люди не могли придумать. Пошумят, поломаются, обманут совесть и разойдутся по своим лесным в реальности норам – трущобам, что бы не сердить, не беспокоить своего бога, какого то мелкотравчатого и мерзкой наружности – явно не Перун и не Дажьбог, но на маленькой голове следы укусов лесного комара, а по щекам и на лбу жгучие следы червей.

Ей хотелось уже давно выйти из этого леса, но не кончалась тропа и не кончался сам лес. Чаща словно заколдованная держала её в своих объятиях. Издали доносился торжественный звон, словно впереди был Киев, и Ольге казалось, что она скачет на него, но звон всё удалялся, и по мере того, как его переливы доносились всё тише и тише, в сердце Ольги вкрадывалось тупое отчаяние.

Но вот и Киев где то рядом, и звон где то рядом, и их встречают под этот звон, падающий в аккурат на эту посеку за земляным городским валом, и вместе со звоном умиротворяет солнечный луч из желтизны тепла и жужжания шмеля в летней тишине. Но вот послышалось что то вроде шевеления за городскими стенами Киева, вроде криков, ржания лошадей, биение бубнов и барабанов, лая соба

Лошади на полном ходу укротили свой бег навстречу. Двое всадников соскочили с сёдел и помогли Ольге спрыгнуть на землю и Ольга позволила Игорю поцеловать себя и снова сесть в седло. Игорь и Олег взяли белую кобылу с двух сторон под уздцы, а подбежавшие дружинники взяли их коней и все полные достоинства гордо зашагали к городским воротам, за которыми их ждали жители Киева.

Этим просторным землям требовался подлесок. И на северные славянские земли в середине девятого века пришла судьба дальнейшего исторического развития в борьбе не со степными набегами печенегов или половцев чуть позже, а каких то новых неизвестных смелых завоевателей, пришедших из-за Балтийского моря и получивших название у славян варягов. Эти варяги обложили данью и славян ильменских, и чудь, и кривичей, и мерю. И хотя через две зимы варяги были изгнаны этими славянскими племенами, но сами славяне, утомлённые своими внутренними раздорами, призвали к себе на княжение трёх варяжских братьев варяжского племени русского, которые сделались нашими первыми властителями нашего Отечества и по этому оно стало называться Русью.

Надо думать, что варяги имели представление, и, наверное, полное, о славянах, поскольку соседствовали и враждовали немало. Их внешний облик был приятен, они были стройны, высоки ростом, мужественны и приятны лицом, загорелы, даже казались смуглыми и все без исключения были русые. Однако, они не утруждали себя заботой о своей наружности. Неопрятными, в грязи могли показаться в многочисленных собраниях людей чужого племени. Вместе с тем об их отваге ходили легенды. Древнее оружие славян состояло в мечах, дротиках, стрелах, намазанных ядом и в больших тяжёлых щитах.

Олег и Ольга спешили в Киев к 23 июня, на праздник Купалы, бога земных плодов, жертвоприношения которому приносили перед собиранием урожая. Молодые люди украшали себя венками, а вечером раскладывали огонь на берегу Днепра и у костра плясали всю ночь и воспевали своего Купалу. В этот день была назначена свадьба – Ольга, дочь варяга спешила к жениху, сыну Рюрика Игорю.

Этот праздник хотелось ей видеть воочию. Она думала и размышляла и о многом другом. Но как то всё выходило неопределённо и непонятно, словно виделось всё из неоглядных далей и что предстоящее замужество – словно какая то детская неправда и всё это пройдёт как забывшийся утром сон. Но до того как процессии войти в городские ворота Киева, Процессия отдыхала и готовилась. Ольга была в раздумьях. С высокого берега, с днепровских круч она вглядывалась в дали левого берега Днепра, забыв о меняющейся своей судьбе.

А Ольгин конюший по какой то причине не мог увязаться за Ольгой на резвой белой кобылице. Он шёл и бежал по её следу и, наконец, устав, изнеможенным, наломал елового лапника и устроился на ночь у костра. Наконец, сон повалил его на бок и ему, ещё не уснувшему, стало чудиться всякое, что не может присниться во сне: за костром, за светом его пламени, в слабом дыму, как в тумане, сидел красивый волк. На нём была серая шерсть с чёрной полосой по хребту, будто одетая дорогой одеждой, столбики ушей украшали голову словно короной, а глаза горели зелёным ласковым огнём. Волк раскрыл белозубую пасть и показал красный длинный язык, зевая, видимо, от удовольствия быть на этом месте рядом с человеком. Длинно зевая, волк издал какой то свой волчий звук и лягнул зубами. Парень приподнял голову. Волк не шелохнулся и оставался мирно сидеть как собака. Федул, так звали парня, сомкнул и разомкнул глаза. Волка не было у костра. И тут он увидел, не замеченный им ранее славянский столп, стоящий на перепутье троп, а на вершине его урну с прахом сожжённого человека. Он подивился сам себе – как он мог не заметить святыню, пусть и святыню древлян, извечных врагов полян, куда и направляется невеста Ольга. Но где же она? Никак завлекли её каким то диким способом дикие люди. Нет, надо идти и искать. Не то быть войне.

Федул протёр глаза, тряхнул головой. Волк куда то пропал, но чувствовалось его присутствие где то рядом; лес зашелестел на утреннем вздохе природы, озарился ранним солнцем и столп с урной наверху проложил слабую, длинную тень, угадав попасть на потухшие угли костра.

Нет же, он уже не спал. А из головы у него не шёл тот волк. Он вполне мог убедиться за долгое видение, что волк —это волчица, именно она, Княгиня Ольга, красавица варяжского племени русского. И он, бросив свой отдых в пути, двинулся искать пропажу. А лес за ним молчал. Он смыкался за ним, как воды Днепра за челном, плывущим в неведомые края, с каким то враждебным упорством и нигде не позволял просветиться солнечным лучам сквозь плотную стену деревьев, где могли бы обитать древляне – непримиримые враги Княгини Ольги. И куда скрылся волк, в беспросветную тьму леса? Вот на видное место на поляне выбежал белый заяц, сел на задние лапки, повел длинными ушами с чёрными отметинами на концах и стал умываться, делая Федулу смешные рожицы. Почему он белый, этот заяц, в летнюю пору?

Итак, Русь варяжского происхождения, прямо указывающая на варягов. И действительно, из варягов пришёл Рюрик с братьями, из варягов пришли Аскольд и Дир со своими дружинами и варяги же по следам своих соплеменников шли в славянские племена и успешно обжи-

вались среди них. Мы можем догадываться об этом, видя как пытаются передать нам свои знания летописцы, пожалуй, единственные наши путеводители по истории славянства. Наконец, из варягов вышли первые наши князья, впервые назвавшие себя славянскими именами. По славянским именам Ярослав, Святослав, Владимир, Ярополк мы начинаем понимать, что варяжское племя русских начинает растворяться в славянских племенах.

А время идёт, катится по лесным тропам славянских племён и видит их, диких и ошеломлённых, свалившейся на их головы и плечи несвободой, притеснением чужих князей. Но в этом времени происходят необратимые изменения, но, конечно, не в одночасье. Но для всех живущих в то время на славянских землях и вместе со славянами начинает проявляться интерес к слову «Русь», то есть к тому, как и почему так оно называется, почему называется так обширная территория, заселённая этими племенами, почему так называются эти люди под властью чужеземных князей. Этот интерес, конечно, был не с родни интересу научному и даже познавательному и мы никогда уже с точностью не узнаем об этом. Мы только можем догадываться об этом, видя как пытаются передать нам свои знания об этом летописцы, пожалуй, единственные, наши путеводители по истории славянства.

А сей час при встрече жениха и невесты подаренная кобылица и сам Федул, названный конюшенным должны быть при месте. Но где же он?

Ну а мы время не задерживаем и видим, что Рюрик скончался ещё после пятнадцатилетнего княжения по смерти Синеуса и Трувора, оставив после себя Монархию, малолетнего сына Игоря, передав правление Монархией и воспитание сына своему родственнику Олегу. И Олег стал Правителем большой Монархии и воспитателем сына второго зачинателя славянского государства Игоря, которому настало время женить. У своих, у варягов русского племени, подыскали невесту, истребовали разрешения у отца и повезли в Киев к знатному жениху, что бы и саму Ольгу сделать знатной

2

Но волк появился сразу, как только Федул сделал свой первый шаг. И Федул увидел, что волк улыбается ему и трусит не спеша, приветливо крутя лисьим хвостом. Всё это было необычно и доверчиво, особенно когда пришлось удостовериться Федулу в волшебной силе Княгини, когда увидел множество горящих зелёным светом волчьих глаз в глубине леса по сторонам тропы. Всё это и указывало Федулу на магическую силу Княгини Ольги. И как только он уверился, что Ольга не пропадёт, то сразу и нашлась. Она стояла над кручами Днепра, глядела в дали низкого берега и ей ничего не мешало, ничего её не беспокоило; рядом стояла с таким же спокойствием белая кобылица.

Федул подошёл к Княгине, ожидая неприятных слов. Но Ольга и не обмолвилась о его отсутствии и сказала, словно ничего не произошло: пора возвращаться. Несказанно удивлённый всем происходящим Федул заметил при возвращении, что эта тропа была ему знакома, но как он смог потерять свою Княгиню – было не объяснимо. И он почувствовал себя виноватым в пустой вине, которую и хочешь, но не совершишь. Однако, вина пришла. Теперь деревья своими ветками били его по лицу, словно издевались над его беспомощным положением. В одном месте на поляну выбежал всё тот же белый заяц, сел на задние лапки и поводя своими длинными ушами стал умываться, а умываясь, подглядывал между лапок за Федулом и делал ему кривые заячьи рожи.

Волосы русые, в одну косу собраны, на щеках румянец проступает сквозь белый мрамор – такой Ольга садилась на белую кобылицу и кобылица её приняла с готовностью подчиняться. Стоящий рядом Олег попытался помочь ей сесть в седло, но получив отказ диковатым взглядом не трогать в помощи её тела, поспешил с ласковыми словами о свободной жизни в замужестве, об исполнении всех её желаний, о заботе о ней мужа и рабов и что она не куплена Игорем и будет вольна вновь вернуться во Псков в своё племя и ни в чём притеснения ей не будет. А Ольга на всё это промолчала. И процессия двинулась в путь. Туда, где ждал жених.

Выехали за околицу, Ольга по сторонам смотрит, точно прощается, а Олег прибавил шаг дружинникам и лошади едва не понеслись, значит стало не до задумчивых прощаний и Ольга пересела в телегу сберегая белую кобылицу до самого въезда в Киев. Так и сидела в свежем сене, проезжая мимо чужих земель, где живут дикие северяне, радимичи, вятичи, древляне. Три дня были в пути. И медлили, не давая коням устать, и попевали к цели быстрым ходом, и всё через эти таинственные леса, где обитали не люди, а почти звери, которые убивали друг друга, похищали жён и девиц, жили в многомужестве и многожёнстве.

Ольга в пути видела брошенные обитателями, не умеющими в себе гостеприимства, а только способность к грабежу, лесные хижины людей. Она ещё не знала, что эти славяне живя в уединении, знали о предосторожности своих поселений строить их в отдалении и делали в своих жилищах разные выходы, что бы можно было в случае нападения скорее и незаметнее спастись бегством. В своих схронах, глубоких ямах, они хранили не только драгоценные вещи, но и хлеб. Ольга всё это видела воочию. Она знала о жизни этих племён, но их жизнь была для неё как бы отринутой и защищённой варяжской дружиной в Пскове и там жили совсем другие славяне, послушные и умные люди. Первая нужда иных славян, среди которых она жила до настоящего времени, и среди которых она осмелилась жить, куда она ехала сей час добровольно, есть пища и кров; вторая – удовольствие, которое находят в звуках, веселящих душу.

Сердечное удовольствие, производимое музыкой, заставляет этих людей изъяслять разные телодвижения, рождает пляску – любимую забаву, которая состоит в том, что бы в сильном напряжении мышц взмахивать руками, вертеться волчком, приседать и топтать ногами. И это всё под звучную музыку. Под эту же музыку происходят и народные игры, среди которых наиболее любимыми являются борьба, кулачные бои, бегание наперегонки. Всё это Ольга наблю-

дала воочию и удивлялась, как после кулачного боя, происходившего до омерзения свирепо, как у зверей, люди и не вспоминали обид, напротив, считали себя друзьями и братьями, обязанными друг другу ближе родственника по крови.

Давно уже дорога шла по правому берегу Днепра, оставив позади незамеченным брод и истоку реки, похожую на хвост змеи, лежащую под солнцем вплотную под высоким берегом своим брюхом.

Ольга уже скакала на подаренной белой кобылице и не могла насмотреться на Днепровские дали. С Днепровских круч видно, что равнинные леса на левом берегу Днепра далеко ушли вглубь синеего горизонта и Ольга, естественно, не знала какие это леса за пределом человеческого зора. Это в этих лесах потаились медвежьи углы, а в низменных чёрных лесах живут кикиморы, во всех лесах население одно – нежить, только она может уживаться там с такими соседями как Соловей Разбойник и эти леса продвигаются через Мещеру до самых ветлужских лесов, а куда дальше – никто не знает.

Появились посланцы Игоря на лошадях в праздничной сбруе, которые повстречав ожидаемое, с гиком, со свистом повернув лошадей, бросились назад оповестить радостью Князя. Тогда и Князь в сопровождении блестящей в латах дружины выехал навстречу. Достигнув посеки, нового места под пашню, за земляным валом, дружина с Князем слезла с коней и устремила свои взоры на лес, из которого по наезженной дороге должна появиться ожидаемая кавалькада. И вот они появились, выползали из зелёной стены леса и что то приветственное кричали встречающим. И тут было видно, что кто то отделился от кавалькады, их двое, на белой лошади и пегой в яблоках. И тут же Игорь вскочил в седло и помчался навстречу белой кобылице.

Уже уставшая от седла Ольга сравнивала столь разную жизнь славян и варягов и в мыслях прискорбно отмечая свою на манер славянской жизни, которую ей придётся претерпеть, поскольку жить придётся среди славян. Но, слава богу! при муже варяге, но о том, что она Княгиня ей в голову не запало поначалу. Всё это будет потом.

А утром четвёртого дня после свадьбы перед высокими окнами молодого Князя и мужа выстроились кто помоложе и кто постарше, вперемежку, кто ещё мог выговориться и понять самого себя, да прокричать молодым в окно, требовать на осмотрение «красное знамение». И тут же на красное крыльцо терема вышел Олег и с ним помощники из его дружины с развёрнутым «красным знаменем», доказательством девственности и непорочности невесты. Славян среди них было – не сосчитать, а варягов мало интересовали такие доказательства, но они чтили обычаи славян и поддавались их требованиям. Нужно такое доказательство? Получите, доказательство нашей морали, оно такое же как ваше в данном случае. А могло быть всё по иному. Тогда невеста заранее известила бы жениха об этом. Но Ольга спокойно отнеслась к требованию Олега – правителя и жениха Князя Игоря. И почему то ей было это понятно, но в большей степени приятно: она достаётся жениху даже нецелованной. Таких требований к невесте у варягов не было.

И славянская часть жителей Киева была горда тем, что ими правят честные правители хоть и варяжского племени.

И они таскали это «красное знамение» по улицам города и по тем местам, где веселился народ. И показывали всем, какова невеста их Князя.

Удивительно, но празднество, такое обильно пьяное и громкоголосое, прошло без каких либо последствий и Правителю Олегу не пришлось прибегнуть к наказаниям.

А Ольга стала Княгиней. Но в ней ничего не поменялось. Или: поменялось, она стала до осторожности вкрадчивой в разговорах даже с простым человеком и она часто находила о чём можно поговорить хоть с кем; особенно её интересовали беседы с Олегом и она часто приглашала его на верховые вылазки в лес и спрашивала его о впечатлениях и отношениях к другим окружающим славян народам или что может поменять Игоря у славян, что бы Игорь воз-

высился вместе с народом. Скакала по лесным тропам и в одиночку и это дело любила всего больше.

Садилось вечернее солнце, наводя сумрак в душе. Земля Киевская казалась громадной, необъятной, грустной и необъяснимой, вся погруженная в тяжёлую думу о своей участи. Над всадницей нависла тяжёлая молчаливая туча.

Только за Днепром отсвечивает край неба лучами занимающейся зари. Дальняя степь, обвеянная синеватой мглой, казалось, расплавлялась в истоме. Лёгкий ветерок лениво шевелил густыми травами и пестревшими в них головками разноцветных цветов. Если бы и Игорь был сейчас в седле, то его лошади стоило повернуть голову, что бы не нагибаясь срывать пучки травы. А небольшие озёрки, точно осколки неба упали на землю. И от всей этой красоты становилось печально. Казалось всё это пространство пустынной степи тоскует о чём то далёком и неясном, истомившись в лете. Только Правитель Олег да сам Князь Игорь были не обеспокоены ничем, уверены во всём. Для Олега вообще было несвойственно обращаться к раздумьям, сквозь него не проступала ни прошедшая молодость, ни установившаяся старость. Глаза успели выцвести и полинять на солнце и в непогоды. Но они были, всё таки, заметны на его лице и приглядевшись можно было заметить в них доброту и даже лукавство.

А Олег прославился отважными завоеваниями, к тому же многие варяги, прослышав ранее о завоеваниях Рюрика, присоединились к Олегу и Олег покорила кривичей с их городом Смоленском и тут же ему покорились северяне. Но желания нового завоевателя славянских земель простирались дальше. Слух о независимой Державе Аскольда и Дира давно дошёл до Олега, но ему не хотелось открыто бороться с единоплеменниками. И он решил применить хитрость и коварство. Оставив позади войско, Олег с юным Игорем и с немногими дружинниками приплыл под днепровские кручи возле Киева и объявил Киевским Государям, что варяжские купцы хотят видеть их как друзей и соотечественников. Аскольд и Дир поспешили на берег. И воины Олега в мгновение ока окружили их. А Правитель Олег сказал им: Вы не Князь и не знаменитого роду, но я – Князь! И показав на сына Рюрика добавил: Вот сын Рюриков! Он волен во всём И вы должны уступать ему и этот малый городок на Днепре. С этими словами Олега Аскольд и Дир пали мёртвыми под ударами мечей к ногам Олега. И Олег, как победитель, обогранный кровью невинных Князей киевских, вошёл в Киев, а утраченные жители совершённым преступлением и сильным войском признали в нём своего Государя. Тем и была создана единая Монархия севера и юга славян – Киевская Русь, куда была привезена Ольга невестой для Игоря, сына Рюрика.

3

Убийство Аскольда и Дира не всколыхнуло Киев. Олег вошёл в город в сопровождении дружины варягов, что устрашающе подействовало на жителей, среди которых было уже не мало христиан. Но наступающей на славян религией Олег даже не поинтересовался и как не знал в своей жизни, что умертвил первых христиан на Руси, крещёных в Византии, в Константинополе патриархом Фокием а восприятелем крещёных был сам император Василий.

Возвратившись из Константинополя, Аскольд и Дир, крестили киевлян, но без принуждения и поэтому не все киевляне вошли в новую веру, они были верны своим идолам. А Аскольд и Дир не представляли себе как можно лишить веры своих граждан в своё божество – вероятнее всего потому, видели себя в их вере ещё вчера и не видели себя. властвующими над христианами без веры в Христа. Поэтому, наверное, крещения, по сути, государственного, когда крестились сами властители, не было. Киевляне при первых своих князьях, скорее всего, жили свободной, занятой бытом жизнью. Поэтому первое крещение оставалось не замеченным ни историей, ни языческой верой, ни самим христианством. Таким образом

4

Надо думать, что варяги имели представление, и, наверное, полное, о славянах, поскольку соседствовали и враждовали немало. Их внешний облик был приятен, они были стройны, высоки ростом, мужественны и приятны лицом, загорелы, даже казались смуглыми и все без исключения были русые. Однако, они не утруждали себя заботой о своей наружности. Неопрятными, в грязи могли показаться в многочисленных собраниях людей чужого племени. Вместе с тем об их отваге ходили легенды. Древнее оружие славян состояло в мечах, дротиках, стрелах, намазанных ядом и в больших тяжёлых щитах.

Олег и Ольга спешили в Киев к 23 июня, на праздник Купалы, бога земных плодов, жертвоприношения которому приносили перед собиранием урожая. Молодые люди украшали себя венками, а вечером раскладывали огонь на берегу Днепра и у костра плясали всю ночь и воспевали своего Купалу. В этот день была назначена свадьба – Ольга, дочь варяга из Пскова спешила к жениху, сыну Рюрика Игорю.

Этот праздник хотелось ей видеть воочию. Она думала и размышляла и о многом другом. Но как то всё выходило неопределённо и непонятно, словно виделось всё из неоглядных далей и что предстоящее замужество – словно какая то детская неправда и всё это пройдёт как забывшийся утром сон.

А Ольгин конюший по какой то причине не мог увязаться за Ольгой на резвой белой кобылице. Он шёл и бежал по её следу и, наконец, устав, изнеможенным, наломал елового лапника и устроился на ночь у костра. Наконец, сон повалил его на бок и ему, ещё не уснувшему, стало чудиться всякое, что не может присниться во сне: за костром, за светом его пламени, в слабом дыму, как в тумане, сидел красивый волк. На нём была серая шерсть с чёрной полосой по хребту, будто одетая дорогой одеждой, столбики ушей украшали голову словно корону, а глаза горели зелёным ласковым огнём. Волк раскрыл белозубую пасть и показал красный длинный язык, зевая, видимо, от удовольствия быть на этом месте рядом с человеком. Длинно зевая, волк издал какой то свой волчий звук и лягнул зубами. Парень приподнял голову. Волк не шелохнулся и оставался мирно сидеть как собака. Федул, так звали парня, сомкнул и разомкнул глаза. Волка не было у костра. И тут он увидел, не замеченный им ранее славянский столп, стоящий на перепутье троп, а на вершине его урну с прахом сожжённого человека. Он подивился сам себе – как он мог не заметить святыню, пусть и святыню древлян, извечных врагов полян, куда и направляется невеста Ольга. Но где же она? Никак завлекли её каким то диким способом дикие люди. Нет, надо идти и искать. Не то быть войне.

Федул протёр глаза, тряхнул головой. Волк куда то пропал, но чувствовалось его присутствие где то рядом; лес зашелестел на утреннем вздохе природы, озарился ранним солнцем и столп с урной наверху проложил слабую, длинную тень, угадав попасть на потухшие угли костра.

Нет же, он уже не спал. А из головы у него не шёл тот волк. Он вполне мог убедиться за долгое видение, что волк —это волчица, именно она, Княгиня Ольга, красавица варяжского племени. И он, бросив свой отдых в пути, двинулся искать пропажу. А лес за ним молчал. Он смыкался за ним, как воды Днепра за челном, плывущим в неведомые страны, с каким то враждебным упорством и нигде не позволял просветится солнечным лучам сквозь плотную стену деревьев, где могли бы обитать древляне – непримиримые враги Княгини Ольги. И куда скрылся волк, в беспросветную тьму леса? Вот на видное место на поляне выбежал белый заяц, сел на задние лапки, повел длинными ушами с чёрными отметинами на концах и стал мываться, делая Федулу смешные рожицы. Почему он белый, этот заяц, в летнюю пору?

Итак, Русь варяжского происхождения, прямо указывающая на варягов. И действительно, из варягов пришёл Рюрик с братьями, из варягов пришли Аскольд и Дир со своими дружи-

нами и варяги же по следам своих соплеменников шли в славянские племена и успешно обжились среди них. Мы можем догадываться об этом, видя как пытаются передать нам свои знания летописцы, пожалуй, единственные наши путеводители по истории славянства. Наконец, из варягов вышли первые наши князья, впервые назвавшие себя славянскими именами. По славянским именам Ярослав, Святослав, Владимир, Ярополк мы начинаем понимать, что варяжское племя русских начинает растворяться в славянских племенах.

А время идёт, катится по лесным тропам славянских племён и видит их, диких и ошеломлённых, свалившейся на их головы и плечи несвободой, притеснением чужих князей. Но в этом времени происходят необратимые изменения, но, конечно, не в одночасье. Но для всех живущих в то время на славянских землях и вместе со славянами начинает проявляться интерес к слову «Русь», то есть к тому, как и почему так оно называется, почему называется так обширная территория, заселённая этими племенами, почему так называются эти люди под властью чужеземных князей. Этот интерес, конечно, был не с родни интересу научному и даже познавательному и мы никогда уже с точностью не узнаем об этом. Мы только можем догадываться об этом, видя как пытаются передать нам свои знания об этом летописцы, пожалуй, единственные, наши путеводители по истории славянства.

А сей час при встрече жениха и невесты подаренная кобылица и сам Федул, названный конюшенным должны быть при месте. Но где же он?

Ну а мы время не задерживаем и видим, что Рюрик скончался ещё после пятнадцатилетнего княжения по смерти Синеуса и Трувора, оставив после себя Монархию, малолетнего сына Игоря, передав правление Монархией и воспитание сына своему родственнику Олегу. И Олег стал Правителем большой Монархии и воспитателем сына второго зачинателя славянского государства Игоря.

Которому настало время женить. У своих, у варягов русского племени, подыскали невесту, истребовали разрешения у отца и повезли в Киев к знатному жениху, что бы и саму Ольгу сделать знатной.

Дикое славянство едва ли кого заинтересует. И если летописи шестого века изображают славян крайне жестокими людьми, то откуда жестокость у народа, если не от пребывания его в дикости, когда этот народ мог существовать только в диких лесных (к примеру) местностях и не видел перед собой не только цивилизации, но и сколько-нибудь преемливого варварства. Перед глазами дикого славянина постоянно виделся дремучий лес: это и на Днепре, на Оке, на Мещёре, в Ветлужских лесах, на Верхней волге; и на севере: на Двине, на Ладоге, на берегах Ильменя. А в этих диких дремучих лесах жили медведи, требующие от славян достойного противостояния и не менее опасные туры. Такая среда обитания плюс постоянный лесной сумрак делают и славянина сумрачным диким человеком и все его сказочные герои из древности не имеют доброты. Лес, жилище славянина, его среда обитания, не может подсказать не может навеять ничего солнечного, лучезарного. И живут они в своих лесах, как дикие звери, в жилищах похожих на звериные норы и быт их не человеческий, а звериный, в своих распрях и ссорах убивают друг друга, семейных браков не знают, целомудрия не знают, жён и девушек похищают, живут в многожёнстве и многомужестве. Их хижины бедны и убоги. Особо наглядны своей жизнью племена древлян, северян, радимичей и вятичей. Из этих племенных исключений дикого быта может быть названо лишь одно племя полян. Поляне жили по среднему течению Днепра, были кротки и тихи, добродушны и не злобивы, никак не похожи на кривичей или древлян.

Все народы, в том числе народы языческой культуры, оберегают свою веру как могут, видя в ней наследие своих отцов и самые грубые её проявления и сама жестокость не кажутся им таковой, напротив, она так же освящена памятью. И славяне отвергали христианство в течение многих столетий. Задолго до Ольги и Владимира в христианство славян хотели обратить

немецкие проповедники, но устрашённые их дикостью, отказались от этой мысли. И с другой стороны, славяне ненавидели христиан и христианство и прекращали торговые связи с ними, а священников христиан приносили в жертву своим идолам.

Но это, конечно, до поры.

Но волк появился сразу, как только Федул сделал свой первый шаг. И Федул увидел, что волк улыбается ему и трусит не спеша, приветливо крутя лисьим хвостом. Всё это было необычно и доверчиво, особенно когда пришлось удостовериться Федулу в волшебной силе Княгини, когда увидел множество горящих зелёным светом волчьих глаз в глубине леса по сторонам тропы. Всё это и указывало Федулу на магическую силу Княгини Ольги. И как только он уверился, что Ольга не пропадёт, то сразу и нашлась. Она стояла над кручами Днепра, глядела в дали низкого берега и ей ничего не мешало, ничего её не беспокоило; рядом стояла с таким же спокойствием белая кобылица.

Федул подошёл к Княгине, ожидая неприятных слов. Но Ольга и не обмолвилась о его отсутствии и сказала, словно ничего не произошло: пора возвращаться. Несказанно удивлённый всем происходящим Федул заметил при возвращении, что эта тропа была ему знакома и как он смог потерять свою Княгиню – было не объяснимо. И он почувствовал себя виноватым в пустой вине, которую и хочешь, но не совершишь. Однако, вина пришла. Теперь деревья своими ветками били его по лицу, словно издевались над его беспомощным положением. В одном месте на поляну выбежал всё тот же белый заяц, сел на задние лапки и поводя своими длинными ушами стал умываться, а умываясь, подглядывал между лапок за Федулом и делал ему кривые заячьи рожи.

Волосы русые, в одну косу собраны, на щеках румянец проступает сквозь белый мрамор – такой Ольга садилась на белую кобылицу и кобылица её приняла с готовностью подчиняться. Стоящий рядом Олег попытался помочь ей сесть в седло, но получив отказ диковатым взглядом не трогать в помощи её тела, поспешил с ласковыми словами о свободной жизни в замужестве, об исполнении всех её желаний, о заботе о ней мужа и рабов и что она не куплена Игорем и будет вольна вновь вернуться во Псков в своё племя и ни в чём притеснения ей не будет. А Ольга на всё это промолчала. И процессия двинулась в путь. Туда, где ждал жених.

Выехали за околицу, Ольга по сторонам смотрит, точно прощается, а Олег прибавил шаг дружинникам и лошади едва не понеслись, значит стало не до задумчивых прощаний и Ольга пересела в телегу сберегая белую кобылицу до самого въезда в Киев. Так и сидела в свежем сене, проезжая мимо чужих земель, где живут дикие северяне, радимичи, вятичи, древляне. Три дня были в пути. И медлили, не давая коням устать, и попевали к цели быстрым ходом, и всё через эти таинственные леса, где обитали не люди, а почти звери, которые убивали друг друга, похищали жён и девиц, жили в многомужестве и многожёнстве.

Ольга в пути видела брошенные обитателями, не умеющими в себе гостеприимства, а только способность к грабежу, лесные хижины людей Она ещё не знала, что эти славяне живя в уединении, знали о предосторожности своих поселений строить их в отдалении и делали в своих жилищах разные выходы, что бы можно было в случае нападения скорее и незаметнее спастись бегством. В своих схронах, глубоких ямах, они хранили не только драгоценные вещи, но и хлеб. Ольга всё это видела воочию. Она знала о жизни этих племён, но их жизнь была для неё как бы отринутой и защищённой варяжской дружиной в Пскове и там жили совсем другие славяне, послушные и умные люди. Первая нужда иных славян, среди которых она жила до настоящего времени, и среди которых она осмелилась жить, куда она ехала сей час добровольно, есть пища и кров; вторая – удовольствие, которое находят в звуках, веселящих душу.

Сердечное удовольствие, производимое музыкой, заставляет этих людей изъяслять разные телодвижения, рождает пляску – любимую забаву, которая состоит в том, что бы в сильном напряжении мышц взмахивать руками, вертеться волчком, приседать и топтать ногами. И это

всё под звучную музыку. Под эту же музыку происходят и народные игры, среди которых наиболее любимыми являются борьба, кулачные бои, бегание наперегонки. Всё это Ольга наблюдала воочию и удивлялась, как после кулачного боя, происходившего до омерзения свирепо, как у зверей, люди и не вспоминали обид, напротив, считали себя друзьями и братьями, обязанными друг другу ближе родственника по крови.

Давно уже дорога шла по правому берегу Днепра, оставив позади незамеченным брод и истоку реки, похожую на хвост змеи, лежащую под солнцем вплотную под высоким берегом своим брюхом.

Ольга уже скакала на подаренной белой кобылице и не могла насмотреться на Днепровские дали. С Днепровских круч видно, что равнинные леса на левом берегу Днепра далеко ушли вглубь синеего горизонта и Ольга, естественно, не знала какие это леса за пределом человеческого взора. Это в этих лесах потаились медвежьи углы, а в низменных чёрных лесах живут кикиморы, во всех лесах население одно – нежить, только она может уживаться там с такими соседями как Соловей Разбойник и эти леса продвигаются через Мещеру до самых ветлужских лесов, а куда дальше – никто не знает.

Появились посланцы Игоря на лошадях в праздничной сбруе, которые повстречав ожидаемое, с гиком, со свистом повернув лошадей, бросились назад оповестить радостью Князя. Тогда и Князь в сопровождении блестящей в латах дружины выехал навстречу. Достигнув посеки, нового места под пашню, за земляным валом, дружина с Князем слезла с коней и устремила свои взоры на лес, из которого по наезженной дороге должна появиться ожидаемая кавалькада. И вот они появились, выползали из зелёной стены леса и что то приветственное кричали встречающим. И тут было видно, что кто то отделился от кавалькады, их двое, на белой лошади и пегой в яблоках. И тут же Игорь вскочил в седло и помчался навстречу белой кобылице.

Уже уставшая от седла Ольга сравнивала столь разную жизнь славян и варягов и в мыслях прискорбно отмечая свою на манер славянской жизни, которую ей придётся претерпеть, поскольку жить придётся среди славян. Но, слава богу! при муже варяге, но о том, что она Княгиня ей в голову не запало поначалу. Всё это будет потом.

А утром четвёртого дня после свадьбы перед высокими окнами молодого Князя и мужа выстроились кто помоложе и кто постарше, вперемежку, кто ещё мог выговориться и понять самого себя, да прокричать молодым в окно, требовать на осмотрение «красное знамение». И тут же на красное крыльцо терема вышел Олег и с ним помощники из его дружины с развёрнутым «красным знаменем», доказательством девственности и непорочности невесты. Славян среди них было – не сосчитать, а варягов мало интересовало такие доказательства, но они чтити обычаи славян и поддавались их требованиям. Нужно такое доказательство? Получите, доказательство нашей морали, оно такое же как ваше в данном случае. А могло быть всё по иному. Тогда невеста заранее известила бы жениха об этом. Но Ольга спокойно отнеслась к требованию Олега – правителя и жениха Князя Игоря. И почему то ей было это понятно, но в большей степени приятно: она достаётся жениху даже нецелованной. Таких требований к невесте у варягов не было.

И славянская часть жителей Киева была горда тем, что ими правят честные правители хоть и варяжского племени.

И они таскали это «красное знамение» по улицам города и по тем местам, где веселился народ. И показывали всем, какова невеста их Князя.

Удивительно, но празднество, такое обильно пьяное и громкоголосое, прошло без каких либо последствий и Правителю Олегу не пришлось прибегнуть к наказаниям.

А Ольга стала Княгиней. Но в ней ничего не поменялось. Или: поменялось, она стала до осторожности вкрадчивой в разговорах даже с простым человеком и она часто находила о чём можно поговорить хоть с кем; особенно её интересовали беседы с Олегом и она часто пригла-

шала его на верховые вылазки в лес и спрашивала его о впечатлениях и отношениях к другим окружающим славян народам или что может поменять Игорь у славян, что бы Игорь возвысился вместе с народом. Скакала по лесным тропам и в одиночку и это дело любила всего больше.

Садилось вечернее солнце, наводя сумрак в душе. Земля Киевская казалось громадной, необъятной, грустной и необъяснимой, вся погруженная в тяжёлую думу о своей участи. Над всадницей нависла тяжёлая молчаливая туча.

Только за Днепром отсвечивает край неба лучами занимающейся зари. Дальняя степь, обвеянная синеватой мглой, казалось, расплавлялась в истоме. Лёгкий ветерок лениво шевелил густые травы и пестревшими в них головками разноцветных цветов. Если бы и Игорь был сейчас в седле, то его лошади стоило повернуть голову, что бы не нагибаясь срывать пучки травы. А небольшие озерки, точно осколки неба упали на землю. И от всей этой красоты становилось печально. Казалось всё это пространство пустынной степи тоскует о чём то далёком и неясном, истомившись в лете. Только Правитель Олег да сам Князь Игорь были не обеспокоены ничем, уверены во всём. Для Олега вообще было несвойственно обращаться к раздумьям, сквозь него не проступала ни прошедшая молодость, ни установившаяся старость. Глаза успели выщвести и полинять на солнце и в непогоды. Но они были, всё таки, заметны на его лице и приглядевшись можно было заметить в них доброту и даже лукавство.

А Олег прославился отважными завоеваниями, к тому же многие варяги, прослышав ранее о завоеваниях Рюрика, присоединились к Олегу и Олег покорила кривичей с их городом Смоленском и тут же ему покорились северяне. Но желания нового завоевателя славянских земель простирались дальше. Слух о независимой Державе Аскольда и Дира давно дошёл до Олега, но ему не хотелось открыто бороться с единоплеменниками. И он решил применить хитрость и коварство. Оставив позади войско, Олег с юным Игорем и с немногими дружинниками приплыл под днепровские кручи возле Киева и объявил Киевским Государям, что варяжские купцы хотят видеть их как друзей и соотечественников. Аскольд и Дир поспешили на берег. И воины Олега в мгновение ока окружили их. А Правитель Олег сказал им: Вы не Князь и не знаменитого роду, но я – Князь! И показав на сына Рюрика добавил: Вот сын Рюриков! С этими словами Аскольд и Дир пали мёртвыми под ударами мечей к ногам Олега. И Олег, как победитель, обогранный кровью невинных Князей, вошёл в Киев, а устрашённые жители совершённым преступлением и сильным войском признали в нём своего Государя. Тем и была создана единая Монархия севера и юга славян – Киевская Русь, куда была привезена Ольга невестой для Игоря, сына Рюрика.

5

Этим просторным землям требовался подлесок. И на северные славянские земли в середине девятого века пришла судьба дальнейшего исторического развития в лице не степных набегов печенегов или половцев чуть позже, а каких то новых неизвестных смелых завоевателей, пришедших из-за Балтийского моря и получивших название у славян варягов. Эти варяги обложили данью и славян Ильменских, и чудь, и кривичей, и мерю. И хотя через два года варяги были изгнаны этими славянскими племенами, но они, утомлённые своими внутренними раздорами, призвали к себе на княжение трёх варяжских братьев варяжского племени русского, которые сделались нашими первыми властителями нашего Отечества и по этому оно стало называться Русью.

Надо думать, что варяги имели представление, и, наверное, полное, о славянах, поскольку соседствовали и враждовали немало. Их внешний облик был приятен, они были стройны, высоки ростом, мужественны и приятны лицом, загорелы, даже казались смуглыми и все без исключения были русые. Однако, они не утруждали себя заботой о своей наружности. Неопрятными, в грязи могли показаться в многочисленных собраниях людей чужого племени. Вместе с тем об их отваге ходили легенды. Древнее оружие славян состояло в мечах, дротиках, стрелах, намазанных ядом и в больших тяжёлых щитах.

Олег и Ольга спешили в Киев к 23 июня, на праздник Купалы, бога земных плодов, жертвоприношения которому приносили перед собиранием урожая. Молодые люди украшали себя венками, а вечером раскладывали огонь на берегу Днепра и у костра плясали всю ночь и воспевали своего Купалу. В этот день была назначена свадьба – Ольга, дочь варяга из Пскова спешила к жениху, сыну Рюрика Игорю.

Этот праздник хотелось ей видеть воочию. Она думала и размышляла и о многом другом. Но как то всё выходило неопределённо и непонятно, словно виделось всё из неоглядных далей и что предстоящее замужество – словно какая то детская неправда и всё это пройдёт как забывшийся утром сон.

А Ольгин конюший по какой то причине не мог увязаться за Ольгой на резвой белой кобылице. Он шёл и бежал по её следу и, наконец, устав, изнеможенным, наломал елового лапника и устроился на ночь у костра. Наконец, сон повалил его на бок и ему, ещё не уснувшему, стало чудиться всякое, что не может присниться во сне: за костром, за светом его пламени, в слабом дыму, как в тумане, сидел красивый волк. На нём была серая шерсть с чёрной полосой по хребту, будто одетая дорогой одеждой, столбики ушей украшали голову словно корону, а глаза горели зелёным ласковым огнём. Волк раскрыл белозубую пасть и показал красный длинный язык, зевая, видимо, от удовольствия быть на этом месте рядом с человеком. Длинно зевая, волк издал какой то свой волчий звук и лязгнул зубами. Парень приподнял голову. Волк не шелохнулся и оставался мирно сидеть как собака. Федул, так звали парня, сомкнул и разомкнул глаза. Волка не было у костра. И тут он увидел, не замеченный им ранее славянский столп, стоящий на перепутье троп, а на вершине его урну с прахом сожжённого человека. Он подивился сам себе – как он мог не заметить святыню, пусть и святыню древлян, извечных врагов полян, куда и направляется невеста Ольга. Но где же она? Никак завлекли её каким то диким способом дикие люди. Нет, надо идти и искать. Не то быть войне.

Федул протёр глаза, тряхнул головой. Волк куда то пропал, но чувствовалось его присутствие где то рядом; лес зашелестел на утреннем вздохе природы, озарился ранним солнцем и столп с урной наверху проложил слабую, длинную тень, угадав попасть на потухшие угли костра.

Нет же, он уже не спал. А из головы у него не шёл тот волк. Он вполне мог убедиться за долгое видение, что волк —это волчица, именно она, Княгиня Ольга, красавица варяжского

племени. И он, бросив свой отдых в пути, двинулся искать пропажу. А лес за ним молчал. Он смыкался за ним, как воды Днепра за челном, плывущим в неведомые страны, с каким то враждебным упорством и нигде не позволял просветится солнечным лучам сквозь плотную стену деревьев, где могли бы обитать древляне – непримиримые враги Княгини Ольги. И куда скрылся волк, в беспросветную тьму леса? Вот на видное место на поляне выбежал белый заяц, сел на задние лапки, повел длинными ушами с чёрными отметинами на концах и стал умываться, делая Федулу смешные рожицы. Почему он белый, этот заяц, в летнюю пору?

Итак, Русь варяжского происхождения, прямо указывающая на варягов. И действительно, из варягов пришёл Рюрик с братьями, из варягов пришли Аскольд и Дир со своими дружинами и варяги же по следам своих соплеменников шли в славянские племена и успешно обживались среди них. Мы можем догадываться об этом, видя как пытаются передать нам свои знания летописцы, пожалуй, единственные наши путеводители по истории славянства. Наконец, из варягов вышли первые наши князья, впервые назвавшие себя славянскими именами. По славянским именам Ярослав, Святослав, Владимир, Ярополк мы начинаем понимать, что варяжское племя русских начинает растворяться в славянских племенах.

А время идёт, катится по лесным тропам славянских племён и видит их, диких и ошеломлённых, свалившейся на их головы и плечи несвободой, притеснением чужих князей. Но в этом времени происходят необратимые изменения, но, конечно, не в одночасье. Но для всех живущих в то время на славянских землях и вместе со славянами начинает проявляться интерес к слову «Русь», то есть к тому, как и почему так оно называется, почему называется так обширная территория, заселённая этими племенами, почему так называются эти люди под властью чужеземных князей. Этот интерес, конечно, был не с родни интересу научному и даже познавательному и мы никогда уже с точностью не узнаем об этом. Мы только можем догадываться об этом, видя как пытаются передать нам свои знания об этом летописцы, пожалуй, единственные, наши путеводители по истории славянства.

А сей час при встрече жениха и невесты подаренная кобылица и сам Федул, названный конюшенным должны быть при месте. Но где же он?

Ну а мы время не задерживаем и видим, что Рюрик скончался ещё после пятнадцатилетнего княжения по смерти Синеуса и Трувора, оставив после себя Монархию, малолетнего сына Игоря, передав правление Монархией и воспитание сына своему родственнику Олегу. И Олег стал Правителем большой Монархии и воспитателем сына, второго зачинателя славянского государства Игоря.

Которому настало время женить. У своих, у варягов русского племени, подыскали невесту, истребовали разрешения у отца и повезли в Киев к знатному жениху, что бы и саму Ольгу сделать знатной.

Дикое славянство едва ли кого заинтересует. И если летописи шестого века изображают славян крайне жестокими людьми, то откуда жестокость у народа, если не от пребывания его в дикости, когда этот народ мог существовать только в диких лесных (к примеру) местностях и не видел перед собой не только цивилизации, но и сколько-нибудь приемливого варварства. Перед глазами дикого славянина постоянно виделся дремучий лес: это и на Днепре, на Оке, на Мещёре, в Ветлужских лесах, на Верхней волге; и на севере: на Двине, на Ладоге, на берегах Ильменя. А в этих диких дремучих лесах жили медведи, требующие от славян достойного противостояния и не менее опасные туры. Такая среда обитания плюс постоянный лесной сумрак делают и славянина сумрачным диким человеком и все его сказочные герои из древности не имеют доброты. Лес, жилище славянина, его среда обитания, не может подсказать не может навеять ничего солнечного, лучезарного. И живут они в своих лесах, как дикие звери, в жилищах похожих на звериные норы и быт их не человеческий, а звериный, в своих распрях и ссорах убивают друг друга, семейных браков не знают, целомудрия не знают, жён и деву-

шек похищают, живут в многожёнстве и многомужестве. Их хижины бедны и убоги. Особо наглядны своей жизнью племена древлян, северян, радимичей и вятичей. Из этих племенных исключений дикого быта может быть названо лишь одно племя полян. Поляне жили по среднему течению Днепра, были кротки и тихи, добродушны и не злобивы, никак не похожи на кривичей или древлян.

Все народы, в том числе народы языческой культуры, оберегают свою веру как могут, видя в ней наследие своих отцов и самые грубые её проявления и сама жестокость не кажутся им таковой, напротив, она так же освящена памятью. И славяне отвергали христианство в течение многих столетий. Задолго до Ольги и Владимира в христианство славян хотели обратить немецкие проповедники, но утрашённые их дикостью, отказались от этой мысли. И с другой стороны, славяне ненавидели христиан и христианство и прекращали торговые связи с ними, а священников христиан приносили в жертву своим идолам.

Но это, конечно, до поры.

Волк появился сразу, как только Федул сделал свой первый шаг. И Федул увидел, что волк улыбается ему и трусит не спеша, приветливо крутя лисьим хвостом. Всё это было необычно и доверчиво, особенно когда пришлось удостовериться Федулу в волшебной силе Княгини, когда увидел множество горящих зелёным светом волчьих глаз в глубине леса по сторонам тропы. Всё это и указывало Федулу на магическую силу Княгини Ольги. И как только он уверился, что Ольга не пропадёт, то сразу и нашлась. Она стояла над кручами Днепра, глядела в дали низкого берега и ей ничего не мешало, ничего её не беспокоило; рядом стояла с таким же спокойствием белая кобылица.

Федул подошёл к Княгине, ожидая неприятных слов. Но Ольга и не обмолвилась о его отсутствии и сказала, словно ничего не произошло: пора возвращаться. Несказанно удивлённый всем происходящим Федул заметил при возвращении, что эта тропа была ему знакома и как он смог потерять свою Княгиню – было не объяснимо. И он почувствовал себя виноватым в пустой вине, которую и хочешь, но не совершишь. Однако, вина пришла. Теперь деревья своими ветками били его по лицу, словно издевались над его беспомощным положением. В одном месте на поляну выбежал всё тот же белый заяц, сел на задние лапки и поводя своими длинными ушами стал умываться, а умываясь, подглядывал между лапок за Федулом и делал ему кривые заячьи рожи.

Волосы русые, в одну косу собраны, на щеках румянец проступает сквозь белый мрамор – такой Ольга садилась на белую кобылицу и кобылица её приняла с готовностью подчиняться. Стоящий рядом Олег попытался помочь ей сесть в седло, но получив отказ диковатым взглядом не трогать в помощи её тела, поспешил с ласковыми словами о свободной жизни в замужестве, об исполнении всех её желаний, о заботе о ней мужа и рабов и что она не куплена Игорем и будет вольна вновь вернуться во Псков в своё племя и ни в чём притеснения ей не будет. А Ольга на всё это промолчала. И процессия двинулась в путь. Туда, где ждал жених.

Ольга в пути видела брошенные обитателями, не умеющими в себе гостеприимства, а только способность к грабежу, лесные хижины людей. Она ещё не знала, что эти славяне живя в уединении, знали о предосторожности своих поселений строить их в отдалении и делали в своих жилищах разные выходы, что бы можно было в случае нападения скорее и незаметнее спастись бегством. В своих схронах, глубоких ямах, они хранили не только драгоценные вещи, но и хлеб. Ольга всё это видела воочию. Она знала о жизни этих племён, но их жизнь была для неё как бы отринутой и защищённой варяжской дружиной в Пскове и там жили совсем другие славяне, послушные и умные люди. Первая нужда иных славян, среди которых она жила до настоящего времени, и среди которых она осмелилась жить, куда она ехала сей час добровольно, есть пища и кров; вторая – удовольствие, которое находят в звуках, веселящих душу.

Сердечное удовольствие, производимое музыкой, заставляет этих людей изъяслять разные телодвижения, рождает пляску – любимую забаву, которая состоит в том, что бы в сильном напряжении мышц взмахивать руками, вертеться волчком, приседать и топтать ногами. И это всё под звучную музыку. Под эту же музыку происходят и народные игры, среди которых наиболее любимыми являются борьба, кулачные бои, бегание наперегонки. Всё это Ольга наблюдала воочию и удивлялась, как после кулачного боя, происходившего до омерзения свирепо, как у зверей, люди и не вспоминали обид, напротив, считали себя друзьями и братьями, обязанными друг другу ближе родственника по крови.

Давно уже дорога шла по правому берегу Днепра, оставив позади незамеченным брод и истоку реки, похожую на хвост змеи, лежащую под солнцем вплотную под высоким берегом своим брюхом.

Ольга уже скакала на подаренной белой кобылице и не могла насмотреться на Днепровские дали. С Днепровских круч видно, что равнинные леса на левом берегу Днепра далеко ушли вглубь синеего горизонта и Ольга, естественно, не знала какие это леса за пределом человеческого зора. Это в этих лесах потаились медвежьи углы, а в низменных чёрных лесах живут кикиморы, во всех лесах население одно – нежить, только она может уживаться там с такими соседями как Соловей Разбойник и эти леса продвигаются через Мещеру до самых ветлужских лесов, а куда дальше – никто не знает.

Появились посланцы Игоря на лошадях в праздничной сбруе, которые повстречав ожидаемое, с гиком, со свистом повернув лошадей, бросились назад оповестить радостью Князя. Тогда и Князь в сопровождении блестящей в латах дружины выехал навстречу. Достигнув посеки, нового места под пашню, за земляным валом, дружина с Князем слезла с коней и устремила свои взоры на лес, из которого по наезженной дороге должна появиться ожидаемая кавалькада. И вот они появились, выползали из зелёной стены леса и что то приветственное кричали встречающим. И тут было видно, что кто то отделился от кавалькады, их двое, на белой лошади и пегой в яблоках. И тут же Игорь вскочил в седло и помчался навстречу белой кобылице.

Уже уставшая от седла Ольга сравнивала столь разную жизнь славян и варягов и в мыслях прискорбно отмечая свою на манер славянской жизни, которую ей придётся претерпеть, поскольку жить придётся среди славян. Но, слава богу! при муже варяге, но о том, что она Княгиня ей в голову не запало поначалу. Всё это будет потом.

А утром четвёртого дня после свадьбы перед высокими окнами молодого Князя и мужа выстроились кто помоложе и кто постарше, вперемежку, кто ещё мог выговориться и понять самого себя, да прокричать молодым в окно, требовать на осмотрение «красное знамение». И тут же на красное крыльцо терема вышел Олег и с ним помощники из его дружины с развёрнутым «красным знаменем», доказательством девственности и непорочности невесты. Славян среди них было – не сосчитать, а варягов мало интересовало такие доказательства, но они чтили обычаи славян и поддавались их требованиям. Нужно такое доказательство? Получите, доказательство нашей морали, оно такое же как ваше в данном случае. А могло быть всё по иному. Тогда невеста заранее известила бы жениха об этом. Но Ольга спокойно отнеслась к требованию Олега – правителя и жениха Князя Игоря. И почему то ей было это понятно, но в большей степени приятно: она достаётся жениху даже нецелованной. Таких требований к невесте у варягов не было.

И славянская часть жителей Киева была горда тем, что ими правят честные правители хоть и варяжского племени.

И они таскали это «красное знамение» по улицам города и по тем местам, где веселился народ. И показывали всем, какова невеста их Князя.

Удивительно, но празднество, такое обильно пьяное и громкоголосое, прошло без каких либо последствий и Правителю Олегу не пришлось прибегнуть к наказаниям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.